
Э. Графтон

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ И НЕГУМАННОЕ ОТНОШЕНИЕ¹

Статья поступила
в редакцию в мае
2010 г.

Луис Менанд. Рынок идей: реформа и сопротивление в американской университетской системе (Louis Menand. The marketplace of ideas: Reform and resistance in the American university)

Пришли последние времена, настал последний час. Это было верно в XII в., когда Бернар К्लюнийский начинал этими словами свою горькую сатиру «Об осуждении мира», и это верно сейчас — для гуманитарных наук. Наше пространство сокращается: только треть американских студентов все еще выбирают в качестве специализации науки и искусства, и менее трети из них — гуманитарные науки. Нас не уважают: СМИ смакуют наши ошибки, начиная с истории Поля де Манна и заканчивая искажением записных книжек Роберта Фроста. (Все хорошие книги, возможно, похожи, а все плохие плохи по-своему.) Но злейшие наши враги — мы сами: одни утверждают, что мы разогнали своих собственных студентов, раздробив учебный план и заменив «книги разрозненным набором вторичных предметов (вопросы идентичности, невразумительное теоретизирование, сексуальность, кино и популярная культура)», другие заявляют, что дисциплины устарели и «на книги, где сноски, по примеру средневековых диссертаций, занимают больше места, чем текст, нет спроса», третьи недовольны тем, что мы не можем поддержать разговор с водопроводчиками.

Некоторые обвинения, безусловно, справедливы. Как отмечают почти все критики, мы, гуманитарии, истребляем молодое поколение. Аспирантам-гуманитариям в среднем требуется 9,3 года, чтобы получить докторскую степень, а если считать перерыв между преддипломным обучением и аспирантурой и редкие отпуска, то и все 11,3 года. После всех этих долгих лет скучных семинаров и бесконечных аттестаций с собиранием бумажек те, кто добирается до конца, часто обнаруживают, что для них нет работы. Число рабочих мест на постоянной основе и по временному контракту — которых и без того не хватает для всех докторов наук — сокращается с лавинообразной скоростью вследствие

¹ Grafton A. T. Humanities and Inhumanities // The New Republic. 2010. February 17. <http://www.tnr.com/print/article/politics/humanities-and-inhumanities> (пер. с англ. М. Янушкевич).

нынешнего экономического кризиса. При этом, по крайней мере в моей дисциплине, число новоиспеченных докторов растет, и в других дисциплинах остается высоким. По всей стране блистательные студенты, написавшие оригинальные диссертации, выигравшие преподавательские гранты и, будучи аспирантами, опубликовавшие превосходные статьи, оказываются на ненадежных позициях «приглашенных преподавателей» («приглашенный» — это специальный термин, означающий минимальные льготы, большое количество учебных курсов и отсутствие каких-либо гарантий) или вынуждены мотаться из одной школы в другую, работая по временному контракту и получая \$1,5–2 тыс. за курс.

Луис Менанд давно обеспокоен состоянием дел в гуманитарной сфере — по крайней мере с 1990-х годов, когда не оправдался прогноз резкого увеличения числа новых рабочих мест для гуманитариев. И он говорит много дельного об этом в своей книге, ставшей результатом его участия в последней на сегодня попытке Гарварда реформировать общее образование. Будучи профессором и публичным интеллектуалом, Менанд описывает ситуацию одновременно и со знанием дела изнутри, и как сторонний наблюдатель. Он признает, что университетские гуманитарии, каковы бы ни были их политические убеждения, в ситуации вызова ведут себя консервативно и настороженно, и что их идеологический конформизм делает университет скучнее. Он также знает, что юные гуманитарии обоих полов стали, как писал более десяти лет назад историк Р. М. Дуглас, современным аналогом «избыточной женщины» викторианской Англии, «вынужденной перебиваться кое-как на нищенский и ненадежный заработок учителя», но не имея шанса, в отличие от учителя в викторианскую эпоху, на более стабильное будущее в Канаде или Австралии. Менанд утверждает, что проблемы человеческих и интеллектуальных ресурсов в системе высшего образования — а там много и тех и других — взаимосвязаны. Однако обвинения интересуют его меньше, чем объяснения. Если иметь в виду ситуацию, которую описывает Менанд, то можно сказать, что его книгу отличают удивительное равнодушие и чуть ли не беспечность.

Менанд в основном говорит об элитных учебных заведениях, которые до сих пор уделяют преимущественное внимание преподаванию наук и искусств, и утверждает, что они не могут отреагировать на эти и другие очевидные проблемы, поскольку продолжают держаться представлений, установившихся сто и более лет назад. В конце XIX — начале XX в., объясняет он, ученые задались целью создать ограниченное пространство свободы, где они могли бы определить стандарты для своих дисциплин и преддипломного и постдипломного образования, профессиональное пространство, нацеленное, подобно юридическому и медицинскому профессиональным пространствам, сформировавшимся в то же время, на достижение общего блага, а не личной выгоды.

Университетские администраторы, такие как Чарлз Уильям Элиот из Гарварда, объединились. Они поддержали научную специализацию, создавая независимые подразделения, где профессора могли заниматься исследовательской работой. Они настояли на том, что человек, не изучавший гуманитарные науки, не может заниматься профессиональной деятельностью в области права, медицины и в других областях. И они отдавали предпочтение докторам при формировании штата преподавателей. Эти условия создали национальный рынок для гуманитарного образования нового типа как на уровне преддипломного, так и на уровне постдипломного обучения. Колледжи и университеты нового типа — по сути, свободные объединения родственных дисциплин с очень небольшой администрацией — были многочисленны и продуктивны. Библиотеки и аспирантуры, университетские издательства и семинары, представлявшие собой до неузнаваемости искаженные версии Оксфорда и Кембриджа, Венеции и Сиены, росли как грибы после дождя по всей стране, в соевых полях и пустынях.

Традиционный колледж и университет достигли пика развития после Второй мировой войны благодаря демографическому взрыву и холодной войне. Постдипломное образование развивалось даже более быстрыми темпами, чем преддипломное, так как университеты разрослись за счет потоков денежных вливаний из государственного бюджета и бюджетов отдельных штатов. Но этот пик оказался настолько же опасен, насколько он был высок, и к 1970-м годам земля под ним покачнулась. В некоторых отношениях результаты были положительными: когда бэби-бум подошел к концу, колледжи, не сумев заполнить все места белыми мальчиками, открылись для женщин и цветных студентов обоих полов. Но финансовый кризис того времени положил предел казавшемуся бесконечным расширению, и многие университетские преподаватели, устроившиеся на постоянную работу в 1960-х годах, вдруг оказались способны предложить очень немного рабочих мест своим ученикам.

За этими социальными и внутренними институциональными изменениями последовал опустошительный интеллектуальный кризис. Критики — Кун, Гирц, Рорти, Уайт, воспитанные в традициях старой школы, учили поколения молодых ученых тому, что границы дисциплин условны. Тем временем молодые ученые и студенты настояли на изучении и определении новых территорий: социальная история, женская литература, «цветная» литература; сотрудничество социологов с правительством. Согласно известному парадоксу, как изящно показывает Менанд, чем с большим рвением мы когда-то стремились сохранить старые границы научных дисциплин, тем более они условны сейчас. Инновации пустили корни вне дисциплин, в программах и центрах, а не на кафедрах, в местах, где ученые из различных областей могли встретиться, что-то обсудить и чему-то научить друг друга, они были

пропитаны духом гламура и драмы, но обычно не становились влиятельной платформой и не влекли за собой предложение работы. После антидисциплинарной революции мы получили такой итог: сложную междисциплинарность, воцарившуюся в английском языке, эклектичную постдисциплинарность в антропологии, множество свежих ростков и распутившихся цветов в истории и традиционную неподвижность в философии.

Повествование Менанда последовательно невозмутимо, и он не поддается соблазну ностальгии или сетований, даже когда и то, и другое уместно. Он не изображает университет в эпоху новой критики раем серьезного чтения и не осуждает недавно появившиеся формы гуманитарного образования как предательство истины и высоких стандартов. Несмотря на все эти изменения, пишет он, система дисциплин и кафедр в целом осталась прежней — твердый ограничивающий панцирь, который, как выяснилось, невозможно расколоть, как бы гуманитарии ни старались.

Попытки создать новые формы общеобразовательной подготовки провалились, потому что общее образование было направлено на подготовку студентов к жизни вне академических стен. Укрывшись под броней дисциплин, профессора — потомки реформаторов конца XIX в., стоявших у истоков университета, — не доверяют и противятся идее обучения практическим навыкам. Междисциплинарность достаточно скоро обнаружила свои естественные границы. Многие администраторы любили междисциплинарные программы, поскольку они казались чем-то увлекательным, были дешевы и назначить преподавателей иногда можно было без ущерба для кафедры, но тем не менее дисциплины как таковые не претерпели изменений; междисциплинарность в действительности только укрепила их авторитет. В теории, как показывает Менанд в изящной зарисовке, по жанру близкой к научной комедии, междисциплинарные курсы означали возможность для двух людей из разных областей знания преподавать вместе: это могло привести к продуктивным коллизиям, которые в свою очередь могли показать преподавателям и студентам границы их представлений. Но на практике преподаватели были склонны представлять крайне своеобразные версии дисциплин своих коллег, а их студенты оказывались в полном замешательстве.

С учетом этого, полагает Менанд, застой — естественное явление. Требования к общеобразовательной подготовке пошли ко дну, натолкнувшись на риф профессионализма. Призывы к междисциплинарности приводят только к тому, что гуманитарии нервничают, поскольку структуры дисциплин не только остались неизменными, но и укрепились. Я отнюдь не уверен в том, что эти объяснения достаточны или удовлетворительны. Специалисты в естествознании работают в исторически четко определенных дисциплинах, что обуславливает высокую плату за вход и объясняет ограниченный доступ в профессиональные сообщества, где ошибка может иметь серьезные последствия.

Тем не менее они занимаются разработкой курсов для специалистов в прикладных науках и инженеров, которые смогут выполнять всевозможную работу вне академических стен, и формируют междисциплинарные команды и организации, кажется, в каждом углу университета, где я работаю. Может быть, причины провала попыток гуманитариев перестроить учебный план и создать новые формы академической работы и преподавания кроются глубже структурного уровня, на котором размышляет Менанд.

Когда возможность исчезла, появился спрос. Несмотря на осуждение варваров у ворот, за последние несколько десятилетий академические стандарты выросли. При том что с 1970-х годов и до настоящего времени гуманитарные факультеты по всей стране не получают достаточного финансирования, они смогли нанять первоклассных молодых специалистов и стремятся стать центрами инновационных исследований, научной работы и преподавания. Профессора, студенты и потенциальные работодатели стали воспринимать докторантуру не как отвлеченное занятие, а как черновик честолюбивого проекта — книги, которую нужно было написать, чтобы получить бессрочный трудовой контракт в вузах, где преподаватели старшего возраста ничего никогда не публиковали.

В то же время, однако, действовали другие — и более мощные — силы. Чем подлее мошенник, тем витиеватее его речь: каждый президент хотел сделать свой вуз престижным исследовательским центром, хотя многие не предоставляли или не могли предоставить материальную поддержку преподавателям и ученым. Докторские программы продолжали открываться даже тогда, когда число рабочих мест для их выпускников сокращалось. Было много аспирантов, много докторов, и многие из них были в долгах как в шелках, потому что не получали стипендию научного сотрудника. В конце концов факультеты в ряде элитных частных университетов сократили число студентов, принимая только тех, кого они могли более или менее поддержать материально. Но куда больше университетов предлагали студентам работать преподавателями, а не выплачивали им стипендии в полном объеме. Правила приема часто определяла необходимость укомплектовать штат преподавателей учебных курсов, а не реальные шансы на трудоустройство выпускников. Многие годы число новоиспеченных докторов — не говоря обо всех квалифицированных соискателях — превышало число новых рабочих мест. Неудивительно, что время до получения степени все увеличивалось и увеличивалось: студенты привыкали жить в уже знакомых им приятных городах и университетских городках на прожиточный минимум.

Между тем администраторы стали рассматривать систематическую неполную занятость не как сбой системы, а как ее характерную черту, и разработали на ее основе метод управления. Они поняли, что могут финансировать преподавание на низшей ступени, принимая большое число аспирантов, удерживая

их по восемь-девять лет на небольшой заработной плате, практиках в школах и преподавании время от времени на курсах, а затем выкидывая за ворота безработными или вновь нанимая на работу по временному контракту. И хотя Менанд делает акцент не на этом, он признает существование этих ужасных условий — и полагает, что они объясняют однородность состава тех, кто выжил после обучения и остался преподавать.

В качестве структурного анализа того, как работает университет, «Рынок идей» можно рекомендовать по многим параметрам. Юным гуманитариям, в особенности студентам, претендующим на аспирантуру, стоит прочитать эту книгу, чтобы получить представление о том, как их институциональный мир отображен в истории. Но это странная книга, и по мере того как от описания и анализа автор переходит к реформе, его поезд сходит с рельсов.

Менанд говорит об университете общими фразами. Многие из них поражают своей точностью, но некоторые как будто бы свидетельствуют о намного меньшем опыте, чем тот, какой он в действительности имеет, и об удивительно редуccionистском взгляде. Вначале он замечает, что когда-то быть профессором значило владеть многими эзотерическими знаниями, которыми не располагали обыкновенные люди; но теперь, самоуверенно заявляет Менанд, «почти вся та эзотерика есть в свободном доступе в Википедии». Что?! Если эзотерика, о которой идет речь, имеет отношение к Великобритании и Америке XIX и XX в. (и даже по поводу этого у меня есть сомнения) — может быть. Но сколько профессоров и студентов-гуманитариев готовы обходиться «эзотерикой» Вики? Они толкуют классические китайские произведения, которые для этого необходимо собрать по кусочкам, а точнее по полоскам бамбука, или реконструируют греческие тексты из фрагментов, сохранившихся на мусорных свалках и на материалах, в которые обернуты мумии, или записывают и интерпретируют религиозные церемонии в Индии и Непале. Вы не сможете выполнять такую работу, не обладая эзотерическими знаниями. И вы не сделаете ее с помощью Википедии.

Это не незначительные промахи. Это даже не промахи вовсе. Они обнажают принципиальную ошибку. Утверждение Менанда, что аспиранты не нуждаются в специализированных знаниях, — поразительное и ужасающее допущение: если понимать его буквально, оно определяет гуманитарные науки как область простых проблем, имеющих простые решения. Без пота, пыли, романтики, борьбы. Но великие гуманитарии — неистовые, страстные гиганты, взбирающиеся на одну гору за другой, инсценируя свое наступление на Олимп. Фаустианские и демонические вершины традиции современного гуманитарного знания покорили Бенджамин с его парижскими аркадами, Шолем с каббалой, Франкель в греческой и латинской литературе, Вайнрайх в идише, Нейгебауэр в античных науках, Канторович в праве и политической символике,

Клемперер в языке Третьего рейха, Витгенштейн и Курциус, Кристеллер и Панофский, Сайм и Момильяно, Арендт и Коли. Одно упоминание этих имен указывает на неосновательность анализа Менанда.

Большинству из нас и большинству наших студентов не дано подняться на этот высочайший уровень. Но когда мы приступаем к своим исследованиям, мы имеем в виду этих и других мастеров и посыпаем свои головы их пеплом. Тот, кто наблюдал за работой гуманитариев последнего поколения или двух, видел, как новые мастера сменяют тех, кто был до них, и восхищался, когда они привносили в наши архивы и каноны новые идеи, голоса, песни и образы. Мы все еще взбираемся на гору или по крайней мере пытаемся. Но Менанд думает, что нам и базовые лагеря у подножия горы разбивать не нужно. Он — человек эпохи поствеликолепия. Принять этот взгляд — значит превратить фаустианскую магию высокой образованности в бесплодное исполнение скучных должностных обязанностей. У нас не останется оплота для противостояния администраторам, желающим упразднить наши дисциплины, потому что мы не приносим денег, и критикам, утверждающим, что мы шарлатаны.

Потеря Менандом терпения, или веры, или интереса к специализированному знанию — вот источник предлагаемой им реформы. К концу книги он высказывает мысль — и не впервые — о том, что университеты могут облегчить положение докторантов в области гуманитарных наук, радикально сократив их программы. Сокращение, утверждает Менанд, не вызовет серьезных интеллектуальных проблем. В конце концов, «обычно диссертация по гуманитарным наукам не требует обширной архивной, полевой или лабораторной работы». О чем он говорит? Мои знакомые студенты на кафедрах английского языка — большинство из них занимаются периодом с 1500 по 1800 г. — изучают языки и литературу, которые знали и которым подражали изучаемые ими английские писатели, открывают новые увлекательные тексты по рукописям, реконструируют по архивам процессы написания и издания книг и много думают о трудных текстах. Все это занимает время. Специализируясь в истории — а исторические факультеты ежегодно выпускают столько же докторов наук, сколько факультет английской филологии, — вы, безусловно, не сможете написать диссертацию, не поработав с архивами, или не проведя полевых исследований, или не сделав и то, и другое вместе. Специализируясь в античной филологии, занимаясь исследованиями в немецкой или восточноазиатской литературе, вы должны владеть не только языками, но и культурными канонами — в дополнение к работам вне канона, которые внезапно стали теперь интересны. Наконец, есть музыковедение, где вам нужны язык, архивы и музыка. В любом случае уже существует способ прочитать ограниченное число трудов и выполнить небольшую исследовательскую работу в таких сложных, трудных областях, как этика:

это называется получить степень магистра гуманитарных наук. Сделать программы гуманитарной магистратуры более длительными и переименовать магистра в доктора наук — все равно что соединить автобусы, поставить их на рельсы и назвать поездом.

Наконец, глубочайшая проблема подхода Менанда заключается как раз в том, что он структурен: он говорит о вузах и дисциплинах так, как говорят о них в комитетах, как пишут в отчетах. Но только когда покинешь горние сферы большой истории и спустишься к местному и личному, вспомнишь то существенное, что опускается при структурном подходе. Менанд прав, когда утверждает, что проблемы, ставшие непосредственным следствием университетской системы, какой она сложилась до 1900 г. и как развивалась в 1950–1960-е годы, способствовали тому, что сегодня ситуация так плачевна. Но он нигде не говорит читателю то, что знает каждый университетский преподаватель его (и моего) возраста, по крайней мере по опыту: гуманитарные науки и в прежние времена не были периной для бездельников.

Большинство доцентов времен моей молодости и молодости Менанда достигли славы в счастливые 1960-е годы, единственный и краткий период, когда пойти в аспирантуру, как и заниматься сексом, было относительно безопасно. Они знали и говорили нам, что вузовским преподавателям никогда так хорошо не жилось. Их собственные учителя (в основном мужчины), преподававшие в 1960-е, должны были пробивать себе дорогу в жизни. Только закон о льготах демобилизованным позволил многим из них пойти в колледж. Тех, кто стремился в аспирантуру, предостерегали от необдуманного шага. Вы должны были быть арицем из Дариена с частным доходом, иначе можно было и не надеяться устроиться на работу. Даже если вам удавалось найти работу, зарплата была ничтожной. Студенты, работавшие бэбиситтерами в академических домах перед эпохой Великого расцвета, иногда видели, как их профессора передвигают по кухонному столу неоплаченные счета в безнадежной попытке изобразить кункен. Для женщин эти времена были еще тяжелее, чем для мужчин: на протяжении многих поколений не было даже слов для описания интеллектуальных и личных несправедливостей, которые они терпели. А «цветные» ученые мирились с оскорблениями, которые заставляют испытывать стыд за профессоров и университеты, наносившие их.

Почему вообще кто-то тогда шел в докторантуру по гуманитарным наукам? Почему кто-то делает это сейчас? Они делали это в прошлом, и их академические внуки делают это сейчас по причинам, которые непредставимы в философии и теологии рынка. Давайте помнить, что стать гуманитарием — это не просто подписаться на определенную работу. Это совершенно точно не открывает путь к богатству или власти: ученый никогда не рифмовался с долларом. Получить гуманитарное образование — значит присоединиться к традиции, которую обычно критикуют, а родители

кричат: «Нет, ради Бога, иди на юридический факультет!» (Это то, что сказал Петрарке его отец, заложив таким образом большую традицию.) Раньше профессор получал не приглашение на работу, а «призыв», как священники и рабби. Для того чтобы присоединиться к этой традиции, всегда нужны были интеллектуальные способности и технические навыки, но еще больше нужны убеждение, страсть и решительность. Можно сказать, вам нужно призвание. А призвание к научной работе — трудная доля, как предупреждал Вебер во времена худшие, чем современность.

Одна из причин, почему аспирантура занимает столько времени, требует столько усилий и дается с таким трудом, заключается в том, что она направлена — плохо, неуклюже, но не безумно — на то, чтобы привлечь, а затем испытать людей, полагающих, что имеют это призвание. Аспирантура — это не что иное, как квест, и вы не можете пройти серьезный квест без испытаний. Менанд не ухватывает эту экзистенциальную подоплеку вопроса. Пока аспирантура — такого рода место (а пока что она остается им и должна оставаться, иначе традиции, которые она сохраняет, завянут и умрут), интеллектуальные требования к аспирантам будут высокими, а требования к психологической устойчивости — еще выше, и на это нужно будет потратить многие годы.

Я не говорю о том, что аспирантура не может или не должна измениться в будущем, как она менялась в прошлом, чтобы принять тех, кого она когда-то исключила. Гуманитарии должны быть гуманными, и вам нужно только сделать один маленький шагок в виртуальную академическую блогосферу, чтобы узнать, что многие из нас не справляются с этой элементарной обязанностью изо дня в день. Университеты должны уважать аспирантов: одна из причин, почему гуманитариям требуется столько времени на докторантуру, состоит просто-напросто в том, что им так мало платят, и они должны столько тратить на обязательное медицинское страхование, что вынуждены искать дополнительную работу. Профессора гуманитарных наук должны придумать компромисс: понаблюдайте за тем, как мы обсуждаем предложения относительно общего образования или новые междисциплинарные программы, как это показывает Менанд, и вы начнете думать, что сенат — серьезный совещательный орган.

Многие наши дисциплины и практические методы действительно нуждаются в улучшении и совершенствовании. Мы и наши студенты должны понять, как использовать — и создать — новые цифровые технологии. Они уже демократизировали образовательный мир, предоставив свободный доступ к миллионам ресурсов, когда-то доступных только избранным. Они дали новые и эффективные способы представлять и анализировать многие памятники величайшего искусства прошлого и нынешнего столетий. И они быстро завоевывают мир чтения и письма. Гуманитарии должны открыть для себя эту новую страну, как наши предшественники открыли для себя новую страну книгопечатания в XV в.,

обжить ее и возделывать почву. Таким образом мы установим контакт не только с собственными студентами, но и с большими аудиториями по всей стране и миру. «Оцифровка» означает также сотрудничество с другими гуманитариями, так же как и «технарями», и распределение заслуг по справедливости. Это принесет множество различных преимуществ. Сотрудничество — и вор академического времени, и радость.

Итак, гуманитариев следующих поколений ожидают новые удовольствия. Но мы не можем воспитывать цифровых гуманитариев ценой утраты гуманитариев, знающих языки, методы интерпретации и другие инструменты, испытанные поколениями, инструменты, которыми можно овладеть, только если работать с ними. Аспирантура в области гуманитарных наук должна в ближайшие десятилетия стать более разнообразной и более общественной, но это все равно будет трудно, и даже еще труднее, потому что будет требовать большего количества навыков, чем прежде; и она по-прежнему будет только для тех, кому это действительно нужно, для кого это вопрос принципа и кто чувствует, что ничем другим заниматься не может.

Год за годом студенты и магистры гуманитарных наук вдохновляются исследовательской работой и преподаванием. Некоторые из них увлекаются другими занятиями и следуют другими путями. Кто-то понимает, что его страсть не так глубока, чтобы продолжать испытания. Но многие держатся до конца и заканчивают обучение — лишь для того, чтобы обнаружить, что квест привел их в крысиную дыру. Этих людей наша система съедает с потрохами. Тяжело сохранить этот чистый огонь, когда работаешь в качестве дешевой рабочей силы в вузе; еще тяжелее — когда присоединяешься к резервной армии еще более дешевой рабочей силы, закончив обучение; и горько, хотя и немного иначе, когда находишь работу, но твои попытки внедрить новый, более свободный учебный план проваливаются из-за инерции профессионализма.

Старая система обставлена многочисленными запретами: она исключает евреев и католиков, женщин и цветных. Относительно недавно эти ограничения были преодолены. Но их заменили новые. Профессор английского языка Уильям Паннакер трогательно и точно написал о доле гуманитариев. Он — с оправданной жесткостью — высказал мысль о том, что только те, кто располагает частными средствами и имеет элитное образование, должны учиться в докторантуре по гуманитарным наукам. Очевидно, как было вначале, так и сейчас: если не назад к арийцам из Дариена, то назад к более разнообразной, но такой же привилегированной и немногочисленной группе, имеющей доверительные фонды и культурный капитал. Авторы исследования 2004 г. о постдипломном образовании в области истории уже заметили, что лучшие программы принимают в основном выпускников элитных частных университетов. Итак, в основном прогресс, которого, как мы полагали, мы достигли, состоит

в населении гуманитарных кафедр студентами и преподавателями нового типа. Это поистине устрашающая перспектива. Тем не менее когда к нам в кабинет приходит молодой человек, жаждущий знаний, и просит принять его в аспирантуру, вы должны описать ему эту ситуацию со всей ответственностью.

Но понимание вуза исключительно или в основном как рынка — это отдельный вопрос. Как неволью показывает Менанд, это сужает восприятие. Гуманитарная сфера нуждается в реформировании, потому что ее традиции ограничивают ее развитие и положение на рынке труда катастрофическое, но реформа не может означать капитуляцию или замену части квалифицированных сотрудников неквалифицированными. Она означает выяснение того, как сделать то, что уже сделали ученые: как верность традиции сочетать с экспериментальностью и инновациями — но без замены низкооплачиваемых доцентов на низкооплачиваемых постдоков, как это случилось у ученых. В более общем смысле она означает поиск творческих способов, как на несколько лет сделать трудной жизнь максимально широкого круга самых разных талантливых людей, которых мы можем обучить, а затем трудоустроить — эффективно и достойно. Необходимость реформы безотлагательна по причине страсти, эрудиции и интеллекта тех, кого сейчас не хватает вузу, по причине буквального уничтожения таланта, любви и энергии, тех традиций глубокого образования, которыми всегда славились гуманитарии. Мастера следующего поколения все еще стучат в наши двери, но большинство из них слишком заняты, несясь по автостраде к следующему кампусу и заполняя кипы бумаг с беспокойным сознанием своего долга учиться так, как они хотели бы учиться и как мы должны их учить. Их нет в холодной, рассудительной и ограниченной книге Менанда, как и в столь многом, что пишут и думают о нас, гуманитариях, в наши невеселые времена.

ОТ РЕДАКЦИИ

Статья Л. Л. Любимова вызвала острую полемику в редакции, мнения разделились: одни поддержали статью, другие не приняли подход автора, его стилистику и ряд интерпретаций.

Тема и мнения, высказанные Л. Л. Любимовым, далеко не новы. Проблема мифологизации литературы — европейской и русской — обсуждается писателями и критиками давно, почти два века. А практика замены одних имен другими, объявления тенденции, господствовавшей прежде, не просто враждебной, а губительной, имеет у нас долгую традицию. Достаточно вспомнить Акима Волынского, одного из самых ранних идеологов русского модернизма. В 1890–1895 гг. Волынский в журнале «Северный вестник» опубликовал цикл уничижительных статей — обвинений против Добролюбова, Чернышевского, Писарева и др. (Позднее они вышли отдельной книгой: Русские критики. Литературные очерки. СПб., 1896.) Эти очерки вызвали оживленные дискуссии. Одна из самых трезвых и едких оценок принадлежала Г. В. Плеханову. «Его (Волынского. — *Е. П.*) теоретическая философия сводится к совершенно бессодержательным фразам; его практическая философия есть не более, как чрезвычайно плохая пародия на нашу “субъективную социологию”», — писал Плеханов в статье «Судьбы русской критики» (напечатана в сборнике «За двадцать лет» (СПб., 1905), позднее неоднократно републиковалась).

Показательно, что публицистическая риторика обсуждения русской классической литературы, искаженной и загубленной леворадикальной критикой, возвращается у нас столетие спустя — в 1980-х годах. Резко обостряется ее демонизация, а предложения считать русских религиозных мыслителей — Бердяева, Соловьева, Розанова, Франка — здоровой альтернативой «агрессивным в своем убожестве революционным демократам» в публицистике 1980–1990-х годов стали идеологическим клише и вместо старого мифа создали новый.

Между тем проблема леворадикальной мысли, трансляции ее «деформирующего господства» совсем не проста, публицистическими средствами ее не разрешить. И демократы, и русские религиозные философы, предтечи Серебряного века, и современные критики — все они обвиняли друг друга в искажениях и в той или иной степени внесли свою лепту в создание литературных мифов, тем более устойчивых, чем прочнее осознается, что литература как институт — ее герои, сюжеты и коллизии — до сих пор остается инструментом восстановления национальной генеалогии, выяснения отношений с собственной историей

и культурой. Этому занятию всякий раз с новым азартом русская интеллигенция предается в смутные времена.

Что касается школ, последнее время в нашем образовании нет единой программы. В преподавании представлены разные точки зрения. Их разброс велик: от марксистско-советской, традиционно-либеральной до ортодоксально-православной. И стоит прислушаться к тем участникам нашего внутривнутриредакционного обсуждения, кто полагает, что важно научить школьников читать и понимать литературу, а не пытаться дать им «хорошего» интеллектуального критика вместо «революционного».

Несмотря на полярные оценки текста, редакция приняла решение опубликовать статью, и мы приглашаем читателей к ее обсуждению.